

ИВАН ГОНЧАРОВ
и европейский классицизм
и неоклассицизм

Editor Ivo Pospíšil

Ústav slavistiky FF MU
Brno 2021

Recenzovali:

prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

doc. Dott. Giuseppe Maiello, PhD. et PhD.

KATALOGIZACE V KNIZE – NÁRODNÍ KNIHOVNA ČR

Ivan Gončarov i jevropskij klasicizm i neoklasicizm (konference) (2020 : Brno, Česko)

Ivan Gončarov i jevropskij klasicizm i neoklasicizm / editor Ivo Pospíšil. -- 1. vydání. -- Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2021. -- 191 stran

Anglická a ruská resumé

"Vydal Jan Sojnek - Galium"--Tiráž -- Sborník příspěvků ze stejnojmenné konference vychází péčí Ústavu slavistiky FF MU ve spolupráci s Českou asociací slavistů a Slavistickou společností Franka Wollmana. -- Obsahuje bibliografie a bibliografické odkazy

ISBN 978-80-88296-14-0 (Jan Sojnek - Galium ; brožováno)

* 821.161.1-3 * 82.02"1700/1830" * 82.02"1890/1945" * 82:7.04 * 82.091 * 82.0 * 82:316.7 * 82.09 * 82.07 * (4) * (062.534)

– Gončarov, Ivan Aleksandrovič, 1812-1891

– ruská próza -- 19. století

– klasicismus (literatura) -- Evropa

– neoklasicismus (literatura) -- Evropa

– literární náměty

– literární vlivy

– poetika

– literatura a kultura

– literárněvědné rozbory

– interpretace a přijetí literárního díla

– sborníky konferencí

821.161.1.09 - Ruská literatura (o ní) [11]

Vychází péčí Ústavu slavistiky FF MU
ve spolupráci s Českou asociací slavistů
a Slavistickou společností Franka Wollmana.

Vychází s finančním příspěvím grantu MU
Podpora mezinárodních doktorských škol.

Jazyková korektura Mgr. Taťjana Zaňko.

© Ústav slavistiky FF MU, 2021

ISBN 978-80-88296-14-0

Алёна Тычинина (Черновцы)

Личность автора в книге очерков И. Гончарова «Фрегат „Паллада“»

Абстракт

Рассматривается специфика отображения личности автора в книге очерков И. Гончарова «Фрегат „Паллада“» (1855–1858) в аспекте нарративных стратегий данного текста. Подчеркивается полижанровый характер произведения, что определяет параболическую модальность наррации. Фигура писателя идентифицируется в значении биографического рассказчика, участника происходящих событий и центрального (конфокального по функции) персонажа в контексте наблюдаемых им социальных и ментальных идентичностей встречавшихся народов. Отталкиваясь от термина П. Рикера *нарративная идентичность*, предлагается уточняющее его понятие *нарративная личность*, которая подразумевает совокупность эмоциональных, коммуникативных, нравственных, психологических, интеллектуальных компетенций рассказчика, проявляющихся в диалоге с читателем/нарратором.

Ключевые слова: нарратив; нарративная идентичность/личность; рецепция; Иван Гончаров; «Фрегат „Паллада“»

Abstract

The Personality of the Author in the book of sketches *Frigate "Pallada"* by Ivan Goncharov

The article under studies deals with the issue of peculiarities of the reflection of the author's personality in the narrative of the book of sketches by I. Goncharov "Frigate 'Pallada'" (1855–1858). Particular emphasis has been laid on the poly-genre nature of the work, which determines the parabolic modality of the narration. The figure of the writer is interpreted as an image of a biographical narrator, an implicit participant in current events and a central (confocal) character in the context of the social and mental identities of the peoples he encounters and observes. Relying on P. Ricoeur's term "narrative identity", the article proposes to supplement it with the concept of a "narrative personality", which specifies the former and implies a combination of narrator's emotional, communicative, moral, psychological, intellectual competences, which are highlighted in a dialogue with the reader/narrator.

Key words: narrative; narrative identity; narrative personality; reception; Ivan Goncharov; “Frigate ‘Pallada’”

Одним из важных критериев художественности текста выступает оригинальность его нарративной стратегии. Повествовательная организация литературного произведения способствует не только раскрытию герменевтики его замысла, но и позволяет сконструировать в рецепции читателя специфический образ нарратора, который может совпадать с биографическим автором, либо олицетворять только лишь определенный вектор индивидуальности писателя, либо выступать абсолютно фиктивной фигурой.

Поставив перед собой методологическую цель перестроить теорию наррации в перспективе формирования Я, П. Рикёр в работе «*Я-сам как другой*» (1990) акцентировал личностную фигуру рассказчика: «Ни определение личности в перспективе идентифицирующей референции, ни определение деятеля в рамках семантики действия [...] не приняли в расчет, что *личность*, о которой говорят, деятель, от которого зависит действие, обладают некоей историей, *сами* являются собственной историей»¹ (здесь и далее курсив наш. — А. Т.). Французский учёный принимается за характеристику *нарративной идентичности*, чьей важной составляющей рассматриваются привычки, каждая из которых, «приобретенная и ставшая длительной предрасположенностью, образует некую *черту* характера, то есть отличительный признак, *по которому* распознается личность»². Таким образом, речь идет о лингвистических, коммуникативных и социальных привычках, что позволяют сконструировать особенности определенного нарративного уровня.

В свою очередь, размышляя о воплощении автора в «фиктивных фигурах его произведений», В. Шмид говорит о том, что конкретный автор «делает себя самого или, вернее, часть своей *личности*, своего мышления фиктивным персонажем, превращая свои личные идеологические, характерологические и психологические напряжения и конфликты в сюжет»³. Тут важно вспомнить также о термине «*литературная личность*», предложенном Ю. Тыняновым. Ученый понимал под ним определенный «конструкт», «статичный, предельно эстетизированный образ, зачастую сильно отличающийся от эмпирической личности писателя»⁴. Учитывая эти идеи

¹ РИКЕР, П.: *Я-сам как другой*. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2008. с. 142.

² Ibidem, с. 150.

³ ШМИД, В.: *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры, 2003. с. 53.

⁴ ТЫНЯНОВ, Ю. Н.: *Поэтика. История литературы. Кино*. Москва, 1977. с. 270–281.

и, в первую очередь, отталкиваясь от рикёровской идеи о нарративной идентичности, мы предлагаем дополнить его понятием *нарративная личность*, что подразумевает совокупность коммуникативных, мотивационных, идеологических, нравственных, психологических, интеллектуальных, языковых компетенций рассказчика, которые определяют качества диалога с читателем/наррататором.

Специфика отображения личности автора в литературном нарративе дает возможность увидеть книгу Ивана Гончарова «Фрегат „Паллада“» (1855–1858) в новом ракурсе. Личность писателя можно идентифицировать здесь в качестве имплицитного участника происходящих событий и центрального, конфокального (центростремительного по функции) персонажа в комплексе наблюдаемых им социальных и ментальных взаимоотношений. Именно динамика повествования способствует последовательному раскрытию писательской личности Гончарова через рецепцию и рассказ автора о себе как *другом* и *чужом* — в своем петербургском обществе, на корабле, в посещаемых странах и городах.

Кратко рассмотрим историю этого вопроса. Отмечая художественность «Фрегата „Паллада“», еще критик Д. Писарев назвал произведение Гончарова «литературными, эстетическими красотами», «результатом *личных* впечатлений» от увиденного»⁵. Исходя из жанровой, эпистолярной, специфики текста и его рецептивной ориентировки, Д. Писарев отмечал, что Гончаров «постоянно говорит о *себе*, о *своих* впечатлениях, о *своем* расположении духа, о влиянии внешней обстановки на его здоровье и духовную деятельность», таким образом «*личность автора* не скрывается»⁶. В свою очередь Н. Добролюбов справедливо характеризовал Гончарова как «блестящего, увлекательного рассказчика», который сделал «сперва для друзей, а потом и для публики, героем путешествия *самого себя* и таким образом придал обыкновенным впечатлениям путешественника индивидуальный характер»⁷. В тексте «Фрегат „Паллада“», после внесения многочисленных авторских правок, в дальнейшем акцентировалась сдержанность и осторожность Гончарова. По мнению Б. Энгельгардта, писатель «заранее подыскивал тематико-идеологический и стилистический план для будущего произведения», испытывая при этом «колебания и сомне-

⁵ ПИСАРЕВ, Д. И.: «Фрегат „Паллада“». Очерки путешествия Ивана Гончарова в двух томах. СПб. «Рассвет», № 2, 1858. <http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1858_goncharov.shtml>.

⁶ Ibidem.

⁷ ДОБРОЛЮБОВ, Н. А.: «Фрегат „Паллада“». <http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0890-1.shtml>.

ния»⁸, справедливо замечая, что путешествие переживалось Гончаровым по-разному, в зависимости от процесса «писательства»⁹. Отметим, что на нарративном уровне продуктивней всего аргументируются и подобные колебания в рецепции.

В аспекте жанровой проблематики очерковой литературы «Фрегат „Паллада“» рассмотрел формалист В. Шкловский. Полномочиями центрального образа он наделил «фигуру самого Гончарова» — «образ немолодого, любящего комфорт, боящегося неудобств чиновника, который про себя «говорит как будто мало» и вместе с целым русским мирком [...] совершает кругосветное путешествие, везя с собою свой быт»¹⁰. Обобщая имеющиеся взгляды на историю путятинско-гончаровского кругосветного проекта, Н. Пиксанов отмечал, что книга не входила в планы Гончарова и путешествие для него было неожиданностью, хотя он и живо общался с Н. Н. Трегубовым на тему морских приключений, «перечел библиотеку морских путешествий, начиная с Кука», даже изучал курс морских наук. Известно также, что на Гончарова, как участника кружка Майковых, могли повлиять естествовед Г. С. Карелин, автор «*Воспоминаний об Англии*» (1849), А. П. Заблоцкий-Десятовский, и, конечно же, книги «*Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев...*» и Е. Ф. Корша «*Япония и японцы*»¹¹. Предполагалось также, что И. Гончаров завуалировал настоящую цель путешествия эскадры, как и свою подлинную функцию секретаря: «Официальная цель путешествия определялась как «экспедиция к русским владениям в Америке». На самом же деле эскадра имела целью завязать торговые сношения с Японией»¹².

Отметим, что произведение имеет полижанровый характер, поскольку основой двухтомной книги очерков путешествия «Фрегат „Паллада“» послужили письма друзьям, личный дневник, путевой журнал секретаря и отдельные очерки. Именно жанровая специфика текста определила особую нарративную стратегию, нарратив личности автора и, соответственно, специфический образ рассказчика. В данном случае абстрактный автор совпадает с реальным, конкретным, автором, представленная модель по-

⁸ ЭНГЕЛЬГАРДТ, Б. М.: *И. А. Гончаров. «Фрегат „Паллада“*. Л., «Наука», 1986. <http://az.lib.ru/e/engelxgardt_b_m/text_1938_fregat_pallada.shtml>.

⁹ Ibidem.

¹⁰ ШКЛОВСКИЙ, В.: *Избранное: в 2-х томах. Том 1. Повести о прозе. Размышления и разборы*. Москва: Художественная литература, 1983. <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prosetales.html#a_gonch>.

¹¹ ПИКСАНОВ, Н. К.: *Гончаров // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. VIII. Литература шестидесятых годов. Ч. 1. — 1956. — с. 400–461*. <<http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il8/il8-4002.htm>>.

¹² Ibidem.

вествовательной коммуникации способствует выявлению «изображаемости нарратора, его текста и выражаемых в нем значений»¹³.

На жанровую специфику «Фрегата „Паллада“» в контексте его нарративности особое внимание обращают все современные исследователи последних десятилетий: А. Балакин, Е. Краснощекова, В. Массон, В. Недзвецкий, М. Отрадин, Е. Шевчугова (Пинженина). Так, к примеру, М. Отрадин утверждает, что в настоящем тексте «способ повествования становится объектом эстетической рефлексии, иронического автокомментария, своеобразной игры с читателем», данный «травелог использует давно освоенные приемы романа, но при этом все-таки остается в своих жанровых рамках»¹⁴.

Исследователи также отмечают «сплав документального и художественного дискурсов» в тексте¹⁵, характер которого «на протяжении жизни Гончарова смещался сначала в сторону художественности, затем в противоположную — в сторону актуализации документальности»¹⁶. После 2000-х гг. активизируются также текстологические исследования «Фрегат „Паллада“» в герменевтическом ключе, с акцентом на авторские правки. Причиной многочисленных исправлений Е. Шевчугова (Пинженина) считает «сознательное желание «изъятия» себя из текста»¹⁷. В целом исследовательница подчеркивает движение «Фрегата „Паллада“» «в сторону обезличенности повествования» путем избавлений от Я-высказываний¹⁸. Полностью согласиться с этим выводом все-таки трудно. Основанием авторских изменений текста, как полагает А. Балакин, является то, что Гончаров не мог писать прямо о «дипломатических интригах», «борьбе различных министерств», «изменении политических приоритетов», потому «под верхним пластом непритязательных писем в ней скрывается идеологизированный и тенденциозный message, который нуждается в осторожной и скрупулезной дешифровке»¹⁹.

¹³ ШМИД, В.: *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры, 2003. с. 57.

¹⁴ ОТРАДИН, М.: *Между «созерцанием» и «действием»: повествование в книге И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»* // Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013. с. 476.

¹⁵ ШЕВЧУГОВА, Е. И.: *Соотношение документального и художественного в книге очерков «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова* // Вестник ТГПУ. 2018. № 4 (54), с. 262.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ ПИНЖЕНИНА, Е. И.: *Мир в герое и герой вне мира: эволюция точки зрения героя-повествователя в книге очерков «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова* // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160), с. 93.

¹⁸ ШЕВЧУГОВА, Е. И.: *Соотношение документального и художественного в книге очерков «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова* // Вестник ТГПУ. 2018. № 4 (54), с. 263.

¹⁹ БАЛАКИН, А.: *«Избегал фактической стороны...» (Еще раз о проблеме документальной достоверности книги И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»* // Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013. с. 486.

При анализе нарративного дискурса «Фрегат „Паллада“» стоит напомнить, что 17 глав книги архитектурно воспроизводят маршрут путешествия, который, начавшись в Кронштадте, пролегал через Портсмут, Мадейру, острова Зелёного Мыса, мыс Доброй Надежды, остров Ява, Сингапур, Гонконг, Нагасаки, Шанхай, Ликейские острова, Манилу, остров Батан, Камигин, порт Гамильтон, Императорскую гавань. Все эти пункты в книге Гончарова сопровождаются аннотациями фабулы, соответственно формирующей и определенный горизонт ожидания и задающей динамику повествования. С самого начала автор организывает презентацию наррации, подчеркивая диалогический характер письма и рецептивную ориентировку. При этом он откровенно фиксирует свою личностную позицию: *«Меня удивляет, как могли вы не получить моего первого письма из Англии»*²⁰. Нарративный темп, пунктирно знакомя читателя с характером и атрибутами прежней жизни автора, замедляется с помощью риторических вопросов, апеллирующих к нарратору: *«Вы спрашиваете подробностей моего знакомства с морем, с морями, с берегами Дании и Швеции, с Англией? Вам хочется знать, как я вдруг из своей покойной комнаты, которую оставлял только в случае крайней надобности и всегда с сожалением, перешел на зыбкое лоно морей, как избалованнейший из всех вас городской жизнью, обычную суетой дня и мирным спокойствием ночи, я вдруг, в один день, в один час, должен был ниспровергнуть этот порядок и ринуться в беспорядок жизни моряка?»*²¹.

Следует подчеркнуть, что коммуникативная структура «Фрегата „Паллада“» обладает параболической модальностью. Колебания происходят на уровне конкретного статуса и настроения повествователя: одновременно и с точки зрения его нарративного уровня, и с точки зрения его отношения к истории (гетеро- или гомодиегетического нарратива) — в одном лице секретарь и писатель, Гончаров является параллельно «рассказчиком», излагая события «от первого лица» и «повествователем» — «от множественного лица», передавая общее настроение: *«Мы снялись с якоря. Море бурно и желто, облака серые, непроницаемые; дождь и снег шли попеременно — вот что провожало нас из отечества»*²².

Кроме того, в тексте наблюдается постепенное чередование личного местоимения Я единственного числа (встречается в тексте более 2000 раз) и множественного числа Мы (встречается в тексте более 1600 раз). Соответственно, в качестве дихотомического нарратор выступает то в диегетическом,

²⁰ ГОНЧАРОВ, И.: *Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Фрегат Паллада. Очерки путешествия в двух томах.* СПб.: Наука, 1997. с. 7.

²¹ Ibidem, с. 7–8.

²² Ibidem, С. 22.

то в недиегетическом плане: *«Жизнь моя как-то раз двоилась, или как будто мне дали вдруг две жизни, отвели квартиру в двух м и р а х. В одном я — с к р о м н ы й ч и н о в н и к, в форменном фраке, робеющий перед начальническим взглядом, боящийся простуды, заключенный в четырех стенах [...] В другом я — н о в ы й а р г о н а в т [...] Там я р е д а к т о р д о к л а д о в, отношений и предписаний; здесь — н е в е ц»*²³. Исходя из концепции нарратолога В. Шмида, если в процессе диегетической наррации мы наблюдаем динамизацию Я, то недиегетический тип минимализирует личность нарратора, приводит к «его редукции до некоторых оценочных позиций, иронических акцентов»²⁴.

Выступая «надежным» и лично выраженным нарратором, в остальных характеристиках типов наррации (по В. Шмиду) также прослеживается дихотомность, точнее, колебание, некое раскачивание между нарративными полюсами: нарратор сильной/слабой степени выявленности; единый/рассеянный рассказчик; объективный/субъективный; сведущий в своем и ограниченный в знании чужого; компетентный в культурологической сфере и непрофессиональный в данной ситуации, в практических морских вопросах.

В произведении «Фрегат „Паллада“» можно определить, опираясь на классификацию Ж. Женнета²⁵, что гомодиегетический тип наррации (с имплицитным повествователем, присутствующим в качестве персонажа в повествуемой им истории) иногда смещается в сторону гетеродиегетическую (с нарратором, отсутствующим в диегезисе). Соответственно изменяется и фокализация, идя от внешней, тяготея к фактуальной объективности, к внутренней, отображающей субъективные точки зрения, в том числе мысли и чувства Гончарова-персонажа.

Нарратологи подчеркивают, что «уже само употребление местоимений и форм глагола первого лица представляет самоизображение, хотя и редуцированное»²⁶. Эксплицитная самопрезентация рассказчика в анализированном тексте осуществляется через Я-коммуникацию, апелляцию к реальным адресатам, встречается даже непосредственное обращение к автору: *«Иди, Сенька, дьявол, скорее! тебя И в а н А л е к с а н д р о в и ч давно зовет», — сказал этот же матрос Фаддееву, когда тот появился»*²⁷, или же *«На вахте*

²³ ГОНЧАРОВ, И.: *Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Фрегат Паллада. Очерки путешествия в двух томах.* СПб.: Наука, 1997, с. 11.

²⁴ ШМИД, В. *Нарратология.* — Москва: Языки славянской культуры, 2003.

²⁵ ЖЕНЕТТ, Ж.: *Фигуры.* В 2-х томах. Том 1–2. Москва: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998.

²⁶ ШМИД, В.: *Нарратология.* Москва: Языки славянской культуры, 2003, с. 67.

²⁷ ГОНЧАРОВ, И.: *Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Фрегат Паллада. Очерки путешествия в двух томах.* СПб.: Наука, 1997, с. 75.

не разговаривают: опять лисель-спирт хотите сломать!» — вдруг раздался сзади нас строгий голос воротившегося капитана. «Это не я-с, это И в а н А л е к с а н д р о в и ч!» — тотчас же пожаловался на меня Петр Александрович, приложив руку к козырьку»²⁸, «А! Го н ч а р о в! Го н ч а р о в!» — закричал детским голосом Ойе-Саброски»²⁹.

Детализируя свой рассказ до мельчайших подробностей, писатель не только визуализирует увиденное, но и передает свои впечатления и чувства, формируя у реципиента представление о своей собственной нарративной личности: «Я с первого шага на корабль стал осматриваться. И теперь еще, при конце плавания, я помню то тяжелое впечатление, от которого сжалось сердце»³⁰. Переключаясь от Я к обобщенному Мы, Гончаров знакомит читателя почти со всей командой — стержнем персониферы, к которой последовательно (на каждой остановке) добавляются все новые участники, каждый со своим голосом.

Путешествие как онтологическое событие ассоциируется у писателя с воспоминаниями, возможностью заново пережить детство и юность. Гончаров дает читателю понять, что осуществляет свою давнюю мечту, связанную не столько с Англией, Францией и Италией, сколько с экзотическими странами: «Мысль ехать, как хмель, туманила голову, и я беспечно и шутиливо отвечал на все предсказания и предостережения, пока еще событие было далеко. Я в с ё м е ч т а л — и д а в н о м е ч т а л — об этом вояже, может быть с той минуты, когда учитель сказал мне, что если ехать от какой-нибудь точки безостановочно, то воротиться к ней с другой стороны: мне захотелось поехать с правого берега Волги, на котором я родился, и воротиться с левого; хотелось самому туда, где учитель указывает пальцем быть экватору, полюсам, тропикам. Но когда потом от карты и от учительской указки я перешел к подвигам и приключениям Куков, Ванкуверов, я опечалился: что перед их подвигами Гомеровы герои, Аяксы, Ахиллесы и сам Геркулес?»³¹.

Гончаров не скрывает своего страха перед физическими нагрузками и психологическими испытаниями: «Я б о я л с я, выдержит ли непривычный организм массу суровых обстоятельств, этот крутой поворот от мирной жизни к постоянному бою с новыми и резкими явлениями бродячего быта?»³². Писатель конструирует свой нарратив таким образом, чтобы читатель сам мог наблюдать и прочувствовать динамику эмоций — от страха, сомнений,

²⁸ Ibidem, с. 119.

²⁹ Ibidem, с. 444.

³⁰ ГОНЧАРОВ, И.: Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Фрегат Паллада. Очерки путешествия в двух томах. СПб.: Наука, 1997, с. 18.

³¹ Ibidem, с. 9.

³² Ibidem, с. 12.

нерешительности до уверенности и готовности к «ряду неиспытанных наслаждений»³³.

Личность нарратора проявляет себя и в повествовательном пафосе (семантические и интонационные акценты изображения событий и характеристики персонажей), и через нарративные индексы (по Р. Барту) — местоимения, лексически окрашенные формы и пр., которые отчитываются из сюжета. В этом смысле текстуальный нарратив «Фрегата „Паллада“» передает интеллигентность Гончарова, его ответственность перед соотечественниками и своими слушателями как путешественника, гражданина, писателя и публичной личности: *«Предстоит объехать весь мир и рассказать об этом так, чтоб слушали рассказ без скуки, без нетерпения. Но как и что рассказывать и описывать? [...] Нет науки о путешествиях: авторитеты, начиная от Аристотеля до Ломоносова включительно, молчат; путешествия не попали под ферулу риторики, и писатель свободен пробираться в недра гор, или опускаться в глубину океанов»*³⁴.

Нарративная личность Гончарова проявляет себя через описания красот природы, о которых он прежде узнавал от любимых поэтов, осуждение «тщеславия и грубого излишества в наслаждениях», при этом имеют место откровения исповедального характера — личный комфорт, физический и психологический, как мы видим во «Фрегате „Паллада“», является для автора существенным условием для спокойного созерцания нового порта, страны, народа: *«Если мне где-нибудь хорошо, я начинаю пускать корни. Удобна ли квартира, покойно ли кресло, есть хороший вид, прохлада — мне не хочется дальше. Меня влечет уютный домик с садом, с балконом, останавливает добрый человек, хорошенькое личико»*³⁵. Гончаров откровенно передает свое смятение, порождаемое всем новым, исходящим, прежде всего, от нового опыта, трудностей во время путешествия, говорит о влиянии болезней и даже перемен настроения на стиль своей переписки. Переживая качку в Атлантическом океане, он называет ее «скучным делом», жалуется на нарушение порядка дня и ночи и усугубление «морского порядка».

Во «Фрегате „Паллада“» реконструируется и интеллектуальная личность рассказчика, проявляющая себя в интертекстуальном компоненте наррации. Рассказчик много читает и выражает свое отношение к книгам. Поскольку «все недовольны», вокруг «страдальческие лица» и, более того, «нельзя как

³³ Ibidem.

³⁴ Ibidem, с. 13.

³⁵ Ibidem, с. 235.

следует читать, писать, спать»³⁶. Литература в общем выступает важной призмой, через которую познается мир, прежний опыт, почерпнутый с книг, сравнивается с новыми впечатлениями. Так, например, Гоголь «навязал» ему впечатление от англичанок: *«После всякой хорошенькой англичанки мне мерещится капитан Копейкин»*³⁷. Увидев океан, Гончаров «мысленно поверял эпитеты, данные ему Байроном, Пушкиным, Бенедиктовым» — «угрюмый, мрачный, могучий», прибавив «солёный, скучный, безобразный и однообразный»³⁸. А мадерский рынок вообще напомнил ему сцену из оперы Даниэля Робера «Фенелла»³⁹, поставленной в Александринском театре. В целом, Гончаров всю воспроизведенную в его книге экспедицию сравнивает с «Одиссеей» и «Энеидой»: *«И ни Эней, с отцом на плечах, ни Одиссей не претерпели и десятой доли тех злоключений, какие претерпели наши аргонавты»*⁴⁰. Исходя из этой логики, не единожды артикулируется параллель самого Гончарова (рассказчика и путешественника в одном лице) с фигурой Одиссея.

Личность писателя раскрывается и через отдельные темы нарратива — в частности, как интеллектуальная апелляция к друзьям. Полагая, что «дружба вьет гнездо не в нервах, не в крови, а в голове, в сознании»⁴¹, автор не раз обращается к своим друзьям Владимиру Бенедиктову и Аполлону Майкову, держа постоянную с ними связь и имитируя их повествовательные нарративы. Например, говоря о прямом влиянии путешествия на процесс формирования художественного образа под впечатлением о культуре повседневности новых стран: *«И поэзия изменила свою священную красоту. Ваши музы, любезные поэты, законные дочери парнасских камен, не подали бы вам услужливой лиры, не указали бы на тот поэтический образ, который кидается в глаза новейшему путешественнику. И какой это образ! Не блистающий красотой, не с атрибутами силы, не с искрой демонского огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках. Но образ этот властвует в мире над умами и страстями. Он всюду: я видел его в Англии — на улице, за прилавком магазина, в законодательной палате, на бирже»*⁴². Тема заочного общения со своими друзьями (которые, в данном случае выступают нарраторами)

³⁶ Ibidem, с. 74.

³⁷ Ibidem, с. 53.

³⁸ Ibidem, с. 82.

³⁹ Ibidem, с. 96.

⁴⁰ Ibidem, с. 738.

⁴¹ Ibidem, с. 36.

⁴² Ibidem, с. 15.

порой отвлекает автора от создания путевых записок, но являются важным компонентом общего стиля «Фрегата „Паллады“».

В 3-й главе «Плавание в атлантических тропиках» Гончаров помещает письмо к Бенедиктову и в манере так называемого диалогизированного монолога (нарратологический термин) реагирует на его поэтическое послание «Гончарову» (1852)⁴³:

И оснащен, и замыслами полный,
Уже готов фрегат твой растолкнуть
Седых морей дымящиеся волны
И шар земной теченьем обогнуть.
[...]
Прости! Вернись и живо и здорово
В суровые приневские края,
И радостно обнимут Гончарова
И Майковы, и все его друзья.

«В поэтическом и дружеском напутствовании вы указали мне, Владимир Григорьевич, обогнуть земной шар. Я не обогнул еще и четверти, а между тем мне захотелось уже побеседовать с вами на необъятной дали, среди волн, на рубеже Атлантического, Южнополярного и Индийского морей, когда вокруг всё спит, кроме вахтенного офицера, меня и океана. Мне хочется поверить, так ли далеко «слышен сердечный голос», как предсказали вы? К сожалению, это обстоятельство зависит более от исправности почт, нежели сердец наших. Хотелось бы верно изобразить вам, где я, что вижу, но о многом говорят чересчур много, а сказать нечего; с другого, напротив, как ни бейся, не снимешь и бледной копии, разве вы дадите взаймы вашего воображения и красок»⁴⁴.

Интересно, что романтик Бенедиктов в качестве ответной дружеской реплики в 1958 г. представил еще одно стихотворение «И. А. Гончарову»⁴⁵ (что предстает и выразительным примером метанарратива).

Важнейшим аспектом реконструирования нарративной личности Гончарова выступают его эмоциональные характеристики увиденного, отображающее его собственные вкусы. Он фиксирует не только красивое, но и передает впечатления о неприглядном. Передавая образы увиденных

⁴³ БЕНЕДИКТОВ, В. Г. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1983. <http://www.azlib.ru/editors/b/benediktow_w_g/text_0090.shtml>.

⁴⁴ ГОНЧАРОВ, И.: Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Фрегат Паллада. Очерки путешествия в двух томах. СПб.: Наука, 1997, с. 100.

⁴⁵ БЕНЕДИКТОВ, В. Г. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1983. <http://www.azlib.ru/editors/b/benediktow_w_g/text_0090.shtml>.

топосов, Гончаров исходит из своих предпочтений, которые определяют оптику восприятия: вместо Британского музея он рассматривает улицы, дома, рынки, пользуясь возможностью «взглянуть на Англию и на англичан»: *«Долго не изглядятся из памяти те впечатления, которые кладет на человека новое место. На эти случаи, кажется, есть особые глаза и уши, зорче и острее обыкновенных»*⁴⁶. Увлекаясь пейзажами и достопримечательностями Лондона, законами, английской культурой и красотой женщин, Гончаров, тем не менее, находит немало негативных черт в менталитете англичан, особенно его раздражали их рационализм и практичность: *«Здесь, напротив, видно, что это всё есть потому, что оно нужно зачем-то, для какой-то цели. Кажется, честность, справедливость, сострадание добываются как каменный уголь»*⁴⁷. Выступая компетентным нарратором, который повествует об истории, нравах, этнографии и знаком со статистическими данными как свидетель-современник, рассказчик с весьма ироничным пафосом фиксирует англичан и описывает английское влияние в мультикультурном Капштате (сегодня — Кейптаун), в Капской колонии. Аналогично рассказчик изображает и американцев, у него — «людей Соединенных Штатов».

В целом в тексте постоянно противопоставляются образы колонизаторов и ментальный характер колонизированных «черных», которые импонируют ему гораздо больше: *«Англичанин — барин здесь, кто бы он ни был: всегда изысканно одетый, холодно, с пренебрежением отдаёт он приказания черному. Англичанин сидит в обширной своей конторе, или в магазине, или на бирже, хлопочет на пристани, он строитель, инженер, плантатор, чиновник, он распоряжается, управляет, работает, он же едет в карете, верхом, наслаждается прохладой на балконе своей виллы, прячется под тень виноградника. А черный? Вот стройный, красивый негр финго, или Мозамбик, тащит тюк на плечах; это кули — наемный слуга, носильщик, бегающий на посылках; вот другой, из племени зулу, а чаще готтенот, на козлах ловко управляет парой лошадей, запряженных в кабриолет»*⁴⁸.

Подчеркивая красоту местного населения Капской колонии — негров, кафров, готтенотов, рассказчик таким образом составляет своеобразную сравнительную характеристику. Подобная «точка зрения» в описании многочисленных стран позволяла рассказчику сравнивать корейцев с ликейцами, индийцев с китайцами и пр., составляя их ментальный портрет в контексте мультикультурного Сингапура, а затем и Шанхая. В нарративе присутствует

⁴⁶ ГОНЧАРОВ, И.: *Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Фрегат Паллада. Очерки путешествия в двух томах.* СПб.: Наука, 1997, с. 39.

⁴⁷ Ibidem, с. 50.

⁴⁸ Ibidem, с. 139–140.

описание внешнего вида, физической природы, языковых особенностей, специфики культуры и повседневного быта народов.

Рассказ о Японии передан чрезвычайно эмоционально. Гончаров относится к Японии с нескрываемым восторгом, хотя и замечает, что *«верного вывода сделать нельзя с этим младенческим, отсталым, но лукавым народом»*⁴⁹. Общаясь с японцем по имени Кавадзи, рассказчик подчёркивает, что ему импонирует японская проницательность, остроумие и смекалка: *«Ум везде одинаков: у умных людей есть одни общие признаки, как и у всех дураков, несмотря на различие наций, одежд, языка, религий, даже взгляда на жизнь»*⁵⁰. В эпизоде с празднованием Нового года и обменом подарками нарратор во всем отмечает кардинальные отличия европейской и восточной культур, начиная с гастрономических предпочтений, заканчивая законами и религией.

Таким образом, через описание чужих стран и культур, Гончаров воспроизводит существенный, «зеркальный» портрет нарративной личности: фактически характеризует самого себя через призму *другого* и *чужого*.

Особенно значимой для реконструирования авторской личности через нарратив выступает заключительная глава-эпилог *«Через двадцать лет»*, возникшая в процессе окончательного редактирования текста. Гончаров вносит в событийный нарратив предыдущих глав уточнения, дополнения, корректируя таким образом и личностные характеристики на себя. В описании конца путешествия Гончаров комментирует свою потребность «полечиться» от дальнего плавания берегом: *«Странно, однако ж, устроен человек: хочется на берег, а жаль покидать и фрегат! Но если б вы знали, что это за изящное, за благородное судно, что за люди на нем, так не удивились бы, что я скрепя сердце покидаю „Палладу“»*⁵¹. Почувствовав себя обузой для адмирала в качестве секретаря, автор доверчиво признается читателю в собственном огорчении, в его нарративе звучат слова о «страшных и опасных минутах», страхе «перспективы неизвестности и «ожидания», ностальгии по родине, дому и привычному обществу: *«Мне хотелось домой, в свой обычный круг лиц, занятий и образа жизни. Я намекнул адмиралу о своем желании воротиться. [...] Да я и не путешествовал, а плавал по «казенной надобности». [...] Ни одну бумагу в качестве секретаря не писал так усердно, как предписание себе самому, от имени адмирала, «следовать до С.-Петербурга»*⁵².

⁴⁹ Ibidem, с. 448.

⁵⁰ Ibidem, с. 481.

⁵¹ Ibidem, с. 627.

⁵² Ibidem, с. 714.

Тем не менее, не без смущения обосновав авторитет своей личности в том тексте, Гончаров «с самыми лучшими чувствами симпатии» вспоминает в своей книге «эпоху плавания по морям», пытаясь посеять жажду этих чувств в сердца читателей, научая их преодолевать страхи и сомнения. Таким образом, авторский нарратив в книге очерков И. Гончарова «Фрегат „Паллада“» подает читателю такое представление о личности рассказчика, которое напрямую запрограммировано интенциями авторского замысла. На стыке горизонтов ожиданий автора и реципиента текст позволяет передать всю ризоматическую сюжеттику плавания «Паллады» ровно в таких аспектах, которые выбрал сам писатель.

Литература

- БАЛАКИН, А.: *«Избегал фактической стороны...» (Еще раз о проблеме документальной достоверности книги И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»* // Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013.
- БЕНЕДИКТОВ, В. Г. *Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель, 1983. <http://www.azlib.ru/editors/b/benediktow_w_g/text_0090.shtml>.
- ГОНЧАРОВ, И.: *Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Фрегат Паллада. Очерки путешествия в двух томах*. СПб.: Наука, 1997.
- ДОБРОЛЮБОВ, Н. А.: «Фрегат „Паллада“» <http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0890-1.shtml>.
- ЖЕНЕТТ, Ж.: *Фигуры*. В 2-х томах. Том 1–2. Москва: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998.
- КРАСНОЩЕКОВА, Е. А.: «Фрегат „Паллада“»: «Путешествие» как жанр (Н. М. Карамзин и И. А. Гончаров) // Русская литература. 1992. № 4.
- МАССОН, В. В.: *Путешествие как рефлексия о путешествии («Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова)* // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. №2 (24).
- НЕДЗВЕЦКИЙ, В. А.: «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова: загадка жанра // Известия Рос. АН. Серия «Литература и язык». 1993. Т. 52. № 2.
- ОТРАДИН, М.: *Между «созерцанием» и «действием»: повествование в книге И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»* // Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013.
- ПИКСАНОВ, Н. К.: *Гончаров // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — М.; Л.: Изд.-во АН СССР, 1941–1956. Т. VIII.*

Литература шестидесятых годов. Ч. 1. — 1956. — с. 400–461. <<http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il8/il8-4002.htm>>.

ПИНЖЕНИНА, Е. И.: *Мир в герое и герой вне мира: эволюция точки зрения героя-повествователя в книге очерков «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова* // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160).

ПИСАРЕВ, Д. И.: «Фрегат „Паллада“». *Очерки путешествия Ивана Гончарова в двух томах*. СПб. «Рассвет», № 2, 1858. <http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1858_goncharov.shtml>.

РИКЕР, П.: *Я-сам как другой*. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2008.

ТЫНЯНОВ, Ю. Н.: *Поэтика. История литературы. Кино*. Москва, 1977.

ШЕВЧУГОВА, Е. И.: *Соотношение документального и художественного в книге очерков «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова* // Вестник ТГГПУ. 2018. № 4 (54).

ШКЛОВСКИЙ, В.: *Избранное: в 2-х томах. Том 1. Повести о прозе. Размышления и разборы*. Москва: Художественная литература, 1983. <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prosetales.html#a_gonch>.

ШМИД, В.: *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры, 2003.

ЭНГЕЛЬГАРДТ, Б. М.: *И. А. Гончаров. «Фрегат „Паллада“*. Л., «Наука», 1986. <http://az.lib.ru/e/engelxgardt_b_m/text_1938_fregat_pallada.shtml>.

Алёна Тычинина

Кандидат филологических наук, Кафедра зарубежной литературы, теории литературы и славянской филологии, Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича

a.tychinina@chnu.edu.ua